

О некоторых исторических особенностях легализации незаконных доходов в России и Китае

Полийчук А. С.

ПАО «Сбербанк», Москва, Российская Федерация; pol_kib_bez@mail.ru

РЕФЕРАТ

Цель. В данной статье автор стремится произвести аналитику некоторых характерных особенностей разных форм отмывания денежных средств в России и Китае с отсылкой к хроникам прошлых веков, начиная с момента возникновения этого явления, нашедшего впоследствии широкое распространение в обеих странах.

Задачи. Для реализации основной цели автор поэтапно решает логически взаимосвязанные задачи: во-первых, выявить древнейшие формы легализации незаконных доходов в России и Китае; во-вторых, проследить логику эволюционных изменений отмывания денежных средств в исторической практике обеих стран; в-третьих, сопоставить российский и китайский опыт в исследуемой системе экономических структурно-функциональных связей.

Методология. При написании материала использовались методы хронологической реконструкции, исторической аналогии, анализа и синтеза, компаративистики.

Результаты. Автор установил, что впервые коррупционные механизмы легализации незаконных доходов возникли в Китае в IV в. до нашей эры, в то время как в России эта практика отчетливо прослеживается лишь с XV в. В статье показано, что в Китае в эпоху династии Тан (VII–X в. н. э.) методы отмывания денежных средств демонстрировали активное развитие и далее достигли критического для сохранения государственности уровня в эпоху Опиумных войн (XIX в.), хотя впоследствии были частично нивелированы в социалистический период китайской государственности в XX в. По аналогии автор рассматривает исторический фон эволюции механизмов отмывания денег в нашей стране в эпоху феодальной раздробленности, а также царской и советской власти. В статье предпринимается попытка сопоставления двух исторических картин — России и Китая.

Выводы. Автор приходит к выводу о том, что процессы легализации незаконных денежных средств в России и Китае имеют схожие черты и активизируются в связи с важнейшими историческими событиями, поэтому современные модели отмывания денег и противодействия этой незаконной деятельности имеют характерные черты, сформированные культурным опытом в отдельно взятой стране.

Ключевые слова: незаконные финансовые операции, легализация доходов, экономическая безопасность, отмывание денежных средств

Для цитирования: Полийчук А. С. О некоторых исторических особенностях легализации незаконных доходов в России и Китае // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2022. Т. 16. № 2. С. 70–76.

On Some Historical Aspects of Money Laundering in Russia and China

Andrei S. Poliychuk

Sberbank PJSC, Moscow, Russian Federation; pol_kib_bez@mail.ru

ABSTRACT

Aim. In this article, the author seeks to analyze some of the characteristic features of various forms of money laundering in Russia and China, with reference to the chronicles of past centuries, starting from the moment this phenomenon arose, which later became widespread in both countries.

Tasks. To realize the main aim, the author gradually solves logically interconnected tasks: firstly, to identify the oldest forms of legalization of illegal income in Russia and China; second, to trace the logic of evolutionary changes in money laundering in the historical practices of both countries; thirdly, compare the Russian and Chinese experience in the studied system of economic structural and functional ties.

Methods. When writing the material, methods of chronological reconstruction, historical analogy, analysis and synthesis, comparative studies were used.

Results. The author established that for the first time corruption mechanisms for the legalization of illegal income arose in China in the 4th century BC, while in Russia this practice is clearly traced only from the 15th century. The article shows that in China during the Tang Dynasty (VII–X century AD), money laundering methods demonstrated active development, and then reached a level critical for maintaining statehood in the era of the Opium Wars (XIX century), although they were subsequently partially leveled during the socialist period of Chinese statehood in the twentieth century. By analogy, the author considers the historical background of the evolution of money laundering mechanisms in our country in the era of feudal fragmentation, as well as tsarist and Soviet power. The article attempts to compare two historical paintings — Russia and China.

Conclusion. The author concludes that the processes of legalizing illegal funds in Russia and China have similar features and are intensified in connection with the most important historical events, therefore, modern models of money laundering and countering this illegal activity have characteristic features formed by cultural experience in a particular country.

Keywords: illegal financial transactions, legalization of income, economic security, money laundering

For citing: Poliychuk A. S. On Some Historical Aspects of Money Laundering in Russia and China // Eurasian Integration: Economics, Law, and Politics. 2022. Vol. 16. No. 2. P. 70–76.

Введение

С точки зрения экономической теории, легализация незаконных доходов является инновационной практикой получения прибыли и насчитывает в хронологическом плане около ста лет. Тем не менее представляется справедливым утверждать, что аналогичные практики сформировались в человеческой истории на значительно более ранних этапах развития социальных и экономических взаимоотношений. Данные формы необходимо рассмотреть подробнее, в хронологическом порядке, на примерах из российской и китайской истории развития народного хозяйства.

Легализация незаконных доходов в Китае: путь длиной в 2,5 тысячи лет

Одно из самых ранних исторических свидетельств о практике отмывания денег за рубежом приводится в китайской летописи, датируемой IV в. до нашей эры. Как правило, легализация незаконных доходов в Древнем Китае осуществлялась достаточно примитивным способом, хотя и отличалась системным характером. Фактически чиновники изымали у крестьян и торговцев излишки продовольствия или товары, которые впоследствии частично поступали в казну либо оставались в личном распоряжении у правящей касты. Соответственно, такая практика сильно тормозила экономическое и социальное развитие, порождала в обществе расслоение по уровню жизни и дохода и приводила к междоусобицам на территории Китая. Более передовым следует признать опыт, сформированный по мере развития централизованной государственности и совершенствования военного дела, когда в Древнем Китае начали активно внедряться практики легализации незаконных доходов по итогам захватнических кампаний.

В эпоху династии Тан (VII–X в. н. э.) легализация имущества, приобретенного незаконным путем, активно производилась по итогам завоевательных походов. В то время золото и драгоценности присваивались ветеранами боевых кампаний, хотя по закону эти ценные вещи должны были передаваться в пользу государства. По оценкам китайских ученых, таким образом укрывалось до 30–40% полученных в ходе завоеваний предметов роскоши и денежных средств, что сопоставимо в масштабах государственности

этого периода с годовым доходом одной процветающей имперской провинции [9]. Очевидно, что мародерство снижало организованность и боеспособность войск, а также провоцировало расслоение в обществе по имущественному критерию. В этой связи потребовалось ввести ограничение данной практики и учредить механизмы государственного регулирования. В данном случае в Древнем Китае применялись эффективные и отлаженные инструменты системного воздействия. Фактически на данном этапе китайской истории мы впервые обнаруживаем широкое использование государственного механизма регулирования в сфере легализации доходов, полученных незаконным путем. Здесь идет речь о военной приватизации, то есть имуществе, к которому относилась в числе прочего военная добыча каждого китайского воина. Соответственно, солдаты в эпоху династии Тан, участвовавшие в завоевательных походах, были обязаны отчитываться о приобретенных в ходе боевых действий трофеях и ограничивались в возможностях утаить свое благосостояние от государственного контроля. Различные китайские экономисты отмечают в своих исторических исследованиях, что нормативная практика в данном вопросе не была односторонней и также учитывала интересы семьи воина, поскольку в случае его смерти в ходе военной операции трофейное имущество отходило в пользу ближайших родственников.

В капиталистическую эпоху механизмы легализации незаконных доходов в Китае получили импульс к развитию и вышли на качественно более высокий уровень. Данная историческая логика вполне понятна, достаточно вспомнить одно лишь высказывание Маркса о том, что «капитал... избегает шума и брани и отличается боязливой натурой. Это правда, но это еще не вся правда. Капитал боится отсутствия прибыли или слишком маленькой прибыли, как природа боится пустоты. Но раз имеется в наличии достаточная прибыль, капитал становится смелым. Обеспечьте 10%, и капитал согласен на всякое применение, при 20% он становится оживленным, при 50% положительно готов сломать себе голову, при 100% он попирает всечеловеческие законы, при 300% нет такого преступления, на которое он не рискнул бы, хотя бы под страхом виселицы. Если шум и брань приносят прибыль, капитал станет способствовать тому и другому. Доказательство: контрабанда и торговля рабами». Действительно, в капиталистическую эпоху незаконная легализация доходов осуществлялась в Китае всеми возможными способами: удержание платы рабочим, эксплуатация детского и рабовладельческого труда, экономия работодателей на условиях труда, введение ночных смен на предприятиях и т. д. Здесь необходимо обратить внимание на популярное мнение, что в китайской научно-исследовательской среде табуизирована критика в адрес коммунистического руководства страны. В целом, конечно, с этим утверждением трудно не согласиться. Однако в исторических трудах по экономике достаточно распространено скептическое отношение к перегибам, допущенным в эпоху Большого скачка и культурной революции. Например, исследователь Пекинского университета Лю Синь Юй указывает на то, что механизмы легализации денежных средств при Мао Цзэдуне не отличались прогрессивностью [4]. Также необходимо упомянуть неограниченные возможности капиталистов XIX в. по сокрытию и фальсификации источников дохода, преимущества колониальной системы, государственных монополий и негласных договоренностей между немногочисленными в то время банковскими элитами. К сожалению, на данном этапе китайской государственности практиковалась жесткая эксплуатация трудящихся заграничными бенефициарами. В качестве наглядного примера можно привести Опиумные войны Китая с Англией и Францией, поскольку государственная власть азиатской страны оказалась не в силах остановить отток за границу капитала, полученного вследствие культивирования опиума [10]. В целом можно сказать, что в капиталистическую эпоху легализация незаконных доходов в Китае производилась с учетом зарубежных классовых интересов, то есть крупной буржуазии, политической аристократии и зарождавшейся тогда в Европе финансовской прослойки населения. Надо сказать, что этот опыт заложил основы для революции в Китае и установления социалистического типа хозяйствования. Данный опыт в целом является весьма специфическим и должен исследоваться более обстоятельно в рамках профильных научных статей. По мнению китайских экономистов, главное преимущество легализации денежных средств в социалистической экономике состоит в том, что государство располагает более широким инструментарием воздействия на рыночные отношения. Это позволяет минимизировать возможные потери государства от легализации незаконных доходов на 15–18% ежегодно [1].

Ретроспектива отечественной легализации денег с древнейших времен до наших дней

В истории российской государственности механизмы легализации доходов не такие древние, как в Китае, но прослеживаются в экономической жизни, начиная с XV в. Безусловно, данное явление появилось на Руси значительно раньше, но проблема состоит в том, что не представляется возможным обнаружить летописные источники и другие аналогичные свидетельства с достоверными описаниями этой практики незаконного обогащения. Напротив, в исторических документах XV в., например в Псковской судной грамоте 1467 г., обнаруживается различие между легитимным и противозаконным обогащением, которое состоит в том, что законное обогащение, то есть приобретение товаров предполагает обязательное заверение в виде присяги со стороны покупателя или обязательного присутствия свидетелей. Таким образом, любое экономическое действие, совершавшееся в обход установленной законом практики, являлось по сути незаконной легализацией дохода. Например, переход недвижимости из одних рук в другие без поручительства или присутствия свидетелей в те времена являлся действенным способом сокрытия сделки от государственных институтов. В Соборном уложении 1649 г. обнаруживается введение ответственности за попытки легализовать незаконные доходы. Впервые в истории российского государства возникает практика контроля не только за переходом имущества от одного собственника к другому, но также вводится надзор за эксплуатацией вещей или недвижимости. Иными словами, государство начинает противодействовать легализации незаконных доходов не только в момент сделки, но и в ходе дальнейшей эксплуатации приобретенной выгоды недобросовестными участниками торговых отношений. В частности, можно упомянуть такие механизмы государственного мониторинга и контроля, как введение ответственности за укрывательство преступников или хранение незаконно приобретенного имущества. На следующем этапе развития нашей государственности, а именно в эпоху петровских реформ, когда осуществлялись масштабные преобразования социальной, политической, экономической жизни, возникла потребность в дальнейшем укреплении механизмов противодействия легализации незаконных доходов. В данном направлении мощным импульсом стали войны эпохи Петра I, которые царь-реформатор вел с целью превращения страны в могущественную экономическую державу. По итогам боевых действий формировались новые административно-правовые и управленческие контуры в российском народном хозяйстве XVIII в. Вполне логично, что в эпоху Петра I большое внимание уделялось противодействию легализации доходов, полученных в результате войны с соседними государствами. Например, появились легитимные запреты на мародерство в войсках, что является прообразом современных механизмов противодействия трансграничной преступности. Далее государство четко определило, что является военной добычей, в то время как любое другое имущество, захваченное на оккупированных территориях, признавалось незаконным. Разумеется, технологии легализации доходов, полученных преступным путем, постепенно эволюционировали в российской истории и приближались к современному теоретическому значению этого термина. Справедливо утверждать, что в XIX в. в России, согласно «Уложению о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года», любые незаконные действия с целью обогащения приравнивались к незаконной легализации доходов в том смысле, который вкладывают в это понятие современные экономисты. К сожалению, в конце XIX в. масштабы легализации незаконных доходов в Российской империи значительно усилились. Во многом этому способствовала денежная реформа Витте, то есть введение золотого рубля с целью стимулирования международной торговли и капиталистического развития [8]. Обратной стороной этого процесса стало выведение значительных объемов финансовой массы за границу. Следует также отметить, что в это время практически отсутствовали эффективные механизмы финансового контроля над банковской деятельностью. В теории должностные лица в банках должны были информировать государственные надзорные органы о подозрительных финансовых операциях, но масштабы российской коррупции в то время достигали таких значений, что этот механизм продемонстрировал свою фактическую недееспособность. В качестве примеров можно привести такие механизмы легализации незаконных доходов, как участие банкирских домов и контор в биржевых спекуляциях за счет вкладов клиентов; махинации, связанные с привлечением денежных средств населения посредством введения в заблуждение относительно будущих доходов; невыполнение обязательств по полученным

кредитам; государственное участие в акционерных компаниях; ложные банкротства и т. д. К сожалению, непростые российские реалии первой четверти XX в., а именно войны и революции, привели к исключительному росту преступных доходов, вырученных с продажи алкоголя, наркотиков, финансирования терроризма и т. п. Разумеется, вся эта незаконная деятельность во многом субсидировалась с помощью механизмов вывода капитала за рубеж [6]. Фактически субсидирование революционной активности не имело механизмов контроля за распределением средств, поэтому легализация доходов в данном секторе не вызвала особого труда. Справедливо утверждать, что на данном этапе российской истории, возможно, как никогда прежде и даже впоследствии, применялся силовой инструментарий в процессе отмывания денег. Государственные институты Российской империи в целом оказались не готовы к организации системного и эффективного противодействия легализации незаконных доходов с применением террористических методов. Приходится констатировать, что с точки зрения заявленных целей вышеупомянутая деятельность осуществлялась исключительно эффективно, поскольку в конечном итоге привела к распаду государственности и установлению советского строя с катастрофическими последствиями для экономической и социальной жизни в революционное и междоусобное время.

В советскую эпоху незаконными доходами фактически стали признаваться результаты любой коммерческой деятельности граждан (за редкими исключениями), что вполне соответствовало восприятию собственности в СССР. Поскольку частная собственность, то есть любое имущество, посредством которого гражданин мог эксплуатировать соотечественников, получая с этого прибавочную стоимость, *de facto* оказалась под запретом, возникли своеобразные формы легализации незаконных доходов. Разумеется, эта деятельность решительно пресекалась со стороны государственных институтов [5]. Прежде всего, советская власть жестко пресекала любые формы спекуляции, в том числе товарами народного потребления импортного производства. На всей советской территории осуществлялся строгий контроль за валютными операциями. Кроме того, в зоне пристального надзора правоохранительных органов находились рынки, а также категории граждан, обслуживавшие иностранцев. Конечно, данные суждения справедливы относительно советской действительности в период с 60-х по 80-е гг. XX в. Послереволюционные события в экономике, время новой экономической политики, индустриализация и коллективизация, военное время и борьба с бандитизмом после завершения Великой Отечественной войны имеют другую специфику, требующую обстоятельного анализа в рамках профильных исторических исследований. В целом необходимо заметить, что кризисных явлений в советской экономике, которые в конечном счете привели к распаду СССР, во многом не удалось избежать ввиду чрезмерно суровой политики властей в отношении предпринимательства. Комплекс административных и уголовных мер воздействия на попытки легализовать незаконные доходы позволил сузить эту деятельность до незначительных масштабов в экономике, но в то же самое время коррупция и хищения в административном секторе возросли до катастрофических значений. В целом советский опыт показывает, что стремление к тотальному искоренению механизмов легализации незаконных доходов может приводить к диаметрально противоположному результату.

Легализация незаконных доходов образует так называемую неформальную часть национальной экономики, выступая в качестве элемента теневой экономики. Российские ученые-экономисты характеризуют ее как «феномен, который относительно легко определить, но невозможно точно измерить» [3]. На современном этапе в России практикуется сочетание нормативных и экономических инструментов с целью пресечения легализации незаконных доходов. Отечественные исследователи обращают внимание на то обстоятельство, что данная сфера динамично развивается в противовес государственному регулированию, поэтому контрмеры не всегда соответствуют меняющимся экономическим реалиям [2]. С юридической точки зрения акценты здесь расставлены на порядке проведения операций с валютными ценностями на внутреннем рынке, а также их перемещении за рубеж с учетом комплекса мер поддержки национальной экономики и эффективного взаимодействия с зарубежными партнерами. С экономической точки зрения государственные органы осуществляют контроль за финансовыми операциями в целом. С учетом современного состояния экономики вполне логично, что государственное реагирование может достигать своей цели только при условии координации усилий различных ведомств, а также коммерческих учреждений [7]. Подробный обзор практических аспектов, связанных с государственным противодействием незаконным

операциям по легализации денежных средств, намечен автором как перспектива дальнейшей научно-исследовательской и публикационной деятельности.

Заключение

В ходе работы над текстом статьи автор стремился решить задачу по обобщению и систематизации разрозненных сведений, преимущественно исторического характера, об истоках возникновения проблемы отмыwania денежных средств в России и Китае. В этом состоит личный вклад автора в построение экономической системы знания о легализации незаконных доходов.

По мнению автора, в исторической ретроспективе обнаруживается, что в Китае и России механизмы легализации незаконных доходов являются длительной, системной практикой, требующей повышенного внимания со стороны государства в современную эпоху. Для того чтобы адекватно интерпретировать современные процессы в сфере контроля за незаконным обогащением и финансовыми манипуляциями, необходимо всесторонне учитывать исторический и культурный контекст развития данной практики в России и в Китае. Следовательно, данная аналитическая проработка специфики механизмов отмыwania денег не является самоцелью, но по сути предваряет теоретическое определение легализации незаконных доходов и сопутствующих базовых типологий.

По мнению автора, легализация незаконных доходов является в данный момент одной из наиболее деструктивных тенденций мировой экономики, которая наблюдается во многих странах, в том числе, разумеется, в самых крупных державах планеты. Поэтому России и Китаю следует продолжать обращать на эту проблему самое пристальное внимание и совершенствовать механизмы борьбы с незаконным отмыwанием средств, с учетом проработки методов международного сотрудничества в данной сфере.

Литература

1. Гао Сян. Преимущества социалистического управления в сфере противодействия коррупции // Вестник Коммунистической партии КНР. 2019. № 5. С. 43–35.
2. Карлусов В. В. Российско-китайские экономические отношения в интеграционном поле Евразии // Мировое и национальное хозяйство. Издание МГИМО (У) МИД России. 2008. № 2 (5). С. 37–45.
3. Котов К. В. Легализация доходов как способ борьбы с теневой экономикой // Налоговая политика и практика. 2010. № 6. С. 26–33.
4. Лю Синь Юй. Коррупционная составляющая экономической деятельности в Китае в коммунистическую эпоху. Издательство Пекинского университета, 2019. С. 123–125.
5. Майданевич Ю. П., Бабашина А. С. Российско-китайские экономические отношения: история и пути развития // АНИ: экономика и управление. 2016. Т. 5. № 2 (15). С. 178– 181.
6. Международные стандарты по противодействию отмыwанию денег, финансированию терроризма и финансированию распространения оружия массового уничтожения. Рекомендации ФАТФ. Федеральная служба по финансовому мониторингу. М., 2012. С. 48.
7. Прошунин М. М. Правовое положение федеральной службы по финансовому мониторингу: настоящее и перспективы // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2019. № 2. С. 14–17.
8. Цанжапов И. А. Китай и Россия: прошлое и настоящее. Экономические очерки // Вестник Бурятского государственного университета. Экономика и менеджмент. 2016. № 2. С. 112–116.
9. Чжан Сяо Цзян. Коррупционные практики в эпоху династии Тан. Издательство университета Фудан. Шанхай, 2020. С. 256.
10. Чэнь Шу Сю. Опиумные войны в Китае: уроки истории. Beijing : Bao Ling Press. 2020. С. 13–15.

Об авторе:

Полийчук Андрей Сергеевич, соискатель Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Российская Федерация); главный инженер по кибербезопасности ПАО «Сбербанк» (Москва, Российская Федерация);
pol_kib_bez@mail.ru

References

1. Gao Xiang. Advantages of socialist governance in the field of anti-corruption // Journal of the Communist Party of the People's Republic of China. 2019. No. 5. P. 43–35. (In Chin.)
2. Karlusov V. V. Russian-Chinese economic relations in the integration field of Eurasia // World and national economy [Mirovye i natsional'noye khozyaistvo]. Publication of MGIMO (U) of the Russian Foreign Ministry. 2008. No. 2 (5). P. 37–45. (In Rus.)
3. Kotov K. V. Legalization of income as a way to combat the shadow economy // Tax policy and practice [Nalogovaya politika i praktika]. 2010. No. 6. P. 26–33. (In Rus.)
4. Liu Xin Yu. The corrupt component of economic activity in China during the communist era. Beijing University Press, 2019. P. 123–125. (In Chin.)
5. Maidanovich Y. P., Babashina A. S. Russian-Chinese economic relations: history and development paths // API: economy and management [ANI: ekonomika i upravlenie]. 2016. Vol. 5. No. 2 (15). P. 178–181. (In Rus.)
6. International Standards for Countering Money Laundering, Financing Terrorism and Financing the Proliferation of Weapons of Mass Destruction. FATF recommendations. Federal Financial Monitoring Service. Moscow, 2012. P. 48. (In Rus.)
7. Proshunin M. M. Legal status of the federal financial monitoring service: present and prospects // RUDN Bulletin. Series: Legal Sciences [Vestnik RUDN. Seriya: Yuridicheskie nauk]. 2019. No. 2. P. 14–17. (In Rus.)
8. Tsanzhapov I. A. China and Russia: past and present. Economic essays // Journal of Buryat State University. Economics and management [Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika i menedzhment]. 2016. No. 2. P. 112–116. (In Rus.)
9. Zhang Xiao Jiang. Corrupt practices during the Tang Dynasty era. Fudan University Press. Shanghai, 2020. P. 256. (In Chin.)
10. Chen Shu Xiu. China's Opium Wars: History Lessons. Beijing : Bao Ling Press. 2020. P. 13–15. (In Chin.)

About the author:

Andrei S. Poliychuk, degree-seeking student of St. Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation); Cybersecurity expert at Sberbank PJSC (Moscow, Russian Federation);
pol_kib_bez@mail.ru